

А.Р.ЛУРИЯ

О МЕСТЕ ПСИХОЛОГИИ
В РЯДУ
СОЦИАЛЬНЫХ И БИОЛОГИЧЕСКИХ
НАУК

Москва

1975

О МЕСТЕ ПСИХОЛОГИИ В РЯДУ СОЦИАЛЬНЫХ И БИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

I.

Вопрос о месте, которое занимает психология в ряду социальных и биологических наук остается до сих пор одним из самых острых вопросов теории научного знания.

Относится ли психология к ряду биологических наук, входит ли она в систему социальных наук или занимает промежуточное место между ними?

Этот вопрос занимал исследователей в течение последних двух поколений и оживленно дискутировался по крайней мере в течение последних тридцати-сорока лет, не приводя, однако, к достаточно ясному решению.

Одни исследователи, исходящие из представления о том, что психические задатки точно так же как и другие морфо-физиологические признаки, заложены в генотипическом коде, не видят оснований для того, чтобы не включать психологию в число естественных наук; к ним присоединяются и многие исследователи высшей нервной деятельности человека, исходящие из позиций редукционизма и считающие возможным понимать психические процессы человека, как физиологические процессы, построенные по типу условных рефлексов.

Вторая группа исследователей, отчетливо понимающая, что сознание человека формируется в процессе общественной жизни и что содержание сознания отражает общественную действительность разделяет другую позицию и считает возможным рассматривать

психологию человека как общественную науку, отвлекаясь от физиологических процессов, лежащих в основе психической деятельности и относя их изучение к сфере иной науки - физиологии.

Наконец - третья группа ученых приходит к компромиссному решению вопроса, рассматривая психологию как "био-социальную" науку и относя одни психические свойства к сфере биологических задатков, а другие - к сфере социально обусловленного содержания сознательной жизни человека.

Последняя позиция, несомненно включающая в свой состав здоровое ядро, раскрывалась, однако, как крайне упрощенная и неадекватная. Сторонники этого подхода резко разделяли "биологическое" и "социальное" в психических процессах, рассматривали их порознь и приходили к мысли о том, что удельный вес "биологического" и "социального" может быть различным в разных сферах психической деятельности, и что в одних психических процессах человека преобладает "биологическое", а в других - "социальное".

Этот подход получил в истории психологии название "теории двух факторов", и именно из этой теории исходили многочисленные попытки американских психологов изучить соотношение "*Nature*" (биологического) и "*Nurture*" (социального), измерить удельный вес обоих факторов в различных формах психической жизни человека и подойти к основной проблеме психологии - психическому развитию, как к процессу постепенного увеличения роли "социального фактора" (вводимого с помощью обучения) и уменьшения роли "биологического" фактора, считая, что именно этим количественным изменением отношений обоих факторов и характеризуется психическое развитие ребенка.

Легко видеть, что такая позиция вряд ли выдерживает критику достаточно философски подготовленного исследователя.

Прежде всего - вряд ли есть основания думать, что в сознательной деятельности человека существуют "чисто-биологические" процессы, которые не подверглись бы влияниям, исходящим из общественных форм жизни; так же мало оснований считать, что существуют формы сознательной деятельности (всегда осуществляющейся мозгом), которые не стояли бы в зависимости от ряда естественных законов, полностью сохраняющих свое значение у человека. Принимать первую из только что обозначенных позиций и считать, что в сознательной жизни человека существуют чисто-биологические явления, не испытывающие влияния общественных условий жизни - значит соскальзывать на позиции биологизаторства и в конечном счете на позиции упрощенного естественного материализма. Принимая вторую позицию и отрывая сознательные процессы от мозга, мы также легко соскальзываем к подмене психологии идеологией и в конечном счете приходим к идеалистическим позициям в психологии.

Теория "двух факторов" неприемлема и в другом отношении. Думать, что "биологическое" и "социальное" существуют в психических процессах человека отдельно и лишь "взаимодействуют" друг с другом, что общественные условия ничего не меняют в протекании биологических процессов и лишь "оттесняют" или "тормозят" их - значит становиться на механистические позиции, не понимая творческой, формирующей роли общественных форм жизни. Именно на таких позициях стоял З.Фрейд, считавший, что общественные влияния лишь тормозят, подавляют врожденные, биологические влияния, по существу не создавая ничего нового.

Наконец, теория "двух факторов" остается неприемлемой и для решения вопросов психического развития человека. Считать, что развитие сводится лишь к "увеличению или уменьшению", пытаться выразить все психическое развитие человека в количественном изменении удельного веса "биологического" и "социального" - значит не понимать самой сути процесса развития, которое всегда сводится к процессам качественных преобразований, к формированию новых функциональных систем, к появлению своеобразных "новообразований", которыми дошкольный ребенок отличается от младенца, ребенок школьного возраста от дошкольника и взрослый от ребенка школьного возраста.

Столь же ошибочным было бы предположение, что "формы" психической деятельности (законы протекания психических процессов) относятся к "биологическому фактору", остающегося неизменным на всех последовательных этапах развития, в то время как "содержание" психической жизни остается всегда в пределах "социального" фактора, полностью изолированного от естественных предпосылок. Такой разрыв "формы" и "содержания" и игнорирование того факта, что процесс психического развития на самом деле предполагает теснейшее взаимодействие "формы" и "содержания", что в процессе приобретения новых "содержаний" психической жизни меняются и способы переработки получаемой информации и что, наоборот, формирование новых средств переработки информации неизбежно приводит к решающим изменениям содержания сознания (переходу от непосредственных впечатлений и наглядных восприятий к отражению мира в системе отвлеченных понятий) - также представляется совершенно бесспорным.

Проблема подлинного соотношения биологических и социальных условий существования, а следовательно - проблема места психологии в ряду биологических и общественных наук, сохраняют свою полную остроту до самого последнего времени.

Именно к последнему десятилетию относятся попытки этологов (К.Лоренца и его единомышленников) свести самые сложные и явно социальные условия, приводящие к таким явлениям, как войны, агрессия - к биологическим врожденным мотивам (инстинкт агрессии) и т.п. Именно к последнему десятилетию относятся и совершенно неправомерные попытки искать биологические корни сложных чувств, морали, оживляющие давно скомпрометировавшие себя традиции упрощенной генетики.

Наконец, именно в последние десятилетия продолжают полностью сохраняться представления о том, что развитие познавательных процессов в школьном возрасте сводится лишь к расширению круга представлений и богатства ассоциаций, возникающих в результате обучения и не меняющих ничего в формах протекания психической деятельности ребенка. Как это ни удивительно, такие механистические представления о влиянии "социальных факторов", господствовавшие в течение нескольких десятилетий в американском бихевиоризме, продолжают сохраняться и сейчас, иногда приводя к явно реакционным идеям о том, что психическое развитие человека может нацело детерминироваться упрощенно понимаемыми "социальными" влияниями (как это, например, имело место в последней книге Б.Скиннера "По ту сторону свободы и достоинства")

I) B.F. SKINNER. *Beyond Freedom and Dignity*. N.Y. 1971.

Совершенно понятно, что вопрос о действительном соотношении биологического и социального в психических процессах человека, и прежде всего - в развитии сознательной деятельности, а также вопрос о месте психологии в ряду естественных и общественных наук, остается одним из самых острых вопросов, и от правильного решения его в значительной степени зависит судьба психологической науки.

Попытаемся обратиться к тем положениям, исходя из которых советская психология подходит к решению этого вопроса.

2.

Известно, что отдельные явления, изучаемые наукой, часто возникают на стыке двух или нескольких систем и именно этот факт вызывает к жизни пограничные науки, которые часто и являются теми зонами, в сфере которых прогресс научного знания проявляется с наибольшей отчетливостью.

Оценка этого факта особенно ясно выступила в последний период развития науки, когда объединение физики и математики привело к созданию математической физики, когда создание химической физики, изучающей химические явления, возникающие при физических процессах или химической физики, описывающей химические процессы в понятиях физики, позволили получить новые факты, иногда имеющие важнейшее значение. Едва ли не больший успех был связан с изучением химической и физической основы процессов жизни, и совершенно естественно, что появление таких дисциплин, как биохимия и биофизика представляют собою едва ли не самое серьезное достижение современного естествознания.

Аналогичные процессы внимательного изучения тех явлений, ~~или~~ которые возникают в областях, пограничных между двумя или несколькими науками, широко представлено и в сфере общественных наук. Самое существование политической экономии, изучающей законы экономической жизни, стоящие в тесной зависимости от тех социальных и политических систем, которые характеризуют общественный строй, является достаточно известным примером, показывающим, как на Границе отдельных явлений возникают новые закономерности, изучение которых составляет предмет новых, прочно сложившихся дисциплин. Аналогичным примером может быть математическая логика, успешно объединяющая науку, изучающую формальные законы мышления с той системой анализа, которая была выработана математикой.

Все указанные случаи показывают, что новые явления могут возникать на границе разных систем, что предметом науки являются не сами по себе явления, а те системы связей и отношений, в которые эти явления вступают и которые могут служить предметом специального изучения.

Однако, было бы неправильным думать, что новые явления могут возникать лишь на границе близких, непосредственно примыкающих друг к другу систем, и что законным является возникновение лишь пограничных дисциплин внутри естественных наук (как это имеет место в случае биохимии, биофизики и др.) или внутри общественных наук (как это имеет место в случае политической экономии и экономической политики и т.д.).

Существенным, и особенно важным является тот факт, что наука знает случаи, когда новые явления возникают на границе, каза-

лось бы, очень отдаленных сфер бытия и когда новые дисциплины возникают как результат взаимодействия очень далеко отстоящих областей знания, например - на границе естественных и общественных наук.

Едва ли не самым ярким примером такого возникновения совершенно новых явлений в результате взаимодействия общественных и естественных форм жизни и является возникновение сознания, а одним из наиболее ярких примеров появления новой науки, изучающей эти явления, возникшие в результате влияния общественных форм жизни на биологические процессы является новая наука - психология человека.

Обратимся к рассмотрению этого интереснейшего случая подробнее.

3.

В течение всей истории психологии представители этой науки пытались подходить к сознанию, как к внутреннему состоянию, источник которого следует искать либо в качествах духа, либо внутри человеческого мозга.

Идеалистически мыслящие психологи не сомневались в том, что сознание является комплексом наиболее интимных переживаний, которыми обладает субъект, что оно раскрывается в самосозерцании или самонаблюдении и что корни его лежат глубоко в интимной духовной жизни субъекта. Нетрудно понять, что такая позиция субъективного идеализма приводила в конечном счете к солипсизму и что создание, которое было доступно лишь самоощущению, оставалось недоступным для объективного научного исследования.

Такая позиция, господствовавшая веками, является теперь давно пройденным этапом развития науки.

Не бóльшие перспективы научного исследования представляет и другой вариант такого же подхода к сознанию, который на этот раз является разновидностью объективного идеализма.

Согласно этой теории сознание является отражением объективно существующего духовного мира, и исследователь, пытающийся найти истоки сознательной жизни человека, должен искать те аппараты, которые являются "детекторами" этого "духовного мира".

Не следует думать, что подобные концепции были представлены лишь в далекую от нас эпоху средневековья или что они возможны лишь в пределах религиозно-мистического мировоззрения и выступают только в теориях типа неотомизма, являющегося официальным вариантом католической философии.

Именно такой подход можно увидеть и в трудах некоторых выдающихся физиологов, например - Ч.Шеррингтона и Дж.Экклза, последний из которых является равностным католиком.

Ч.Шеррингтон, который прочно вошел к науку своими работами по физиологии рефлексорных процессов, под конец своей жизни опубликовал две книги: в первой из них "Мозг и его механизмы"²⁾ Шеррингтон выражает полную уверенность, что физиология не может объяснить сознательного поведения человека, истоки которого следует искать в "духовном мире". Эта позиция, развиваемая им и во второй книге "Человек и его природа"³⁾ - приводит этого крупней-

2) *Membrane Cl. Sherrington. The BRAIN and its Mechanisms. Cambridge University Press. 1934.*

3) *Cl. Sherrington. The Man on his Nature. London, 1942*

шего физиолога к открытой позиции дуализма, которая заставляет его рассматривать сознание, как проявление объективного духа, оставляя его за пределами объективной науки.

Второй крупнейший физиолог нашего времени - Дж. Эклз - разделяет ту же позицию дуализма, лишь развивая ее и пытаясь, исходя из нее, предложить своеобразные пути к изучению сознания.

В изданной им книге "Мозг и сознательный опыт"⁴⁾, которая является отчетом о конференции, созванной Ватиканской академией наук и предисловие к которой написано папой Павлом VI, а затем и в собственной книге этого автора "Лицом к лицу с реальностью"⁵⁾ этот выдающийся физиолог, сделавший важнейший вклад в науку своей теорией передачи возбуждения через синапсы, со всей категоричностью высказывает положение, что сознание человека (или его "непосредственный опыт"), которое он считает первичным явлением, имеет свою собственную, "духовную" природу и что его ^{следует понимать} как отражение объективно существующего духовного мира; его рассуждения приводят автора к мысли, что в интимных глубинах человеческого мозга имеются и особые тончайшие аппараты - мельчайшие нервные синапсы размером в 10^{-16} микрона, которые осуществляют этот контакт с духовным миром и которые следует рассматривать как своеобразные "детекторы" духовного мира.

Нетрудно видеть, что дуалистические позиции подобного типа приводят науку к тупику, и что даже крупнейшие физиологи - если только они не стоят на позициях научной философии - легко

4) J. Eccles (ed.) *Brain and Conscious Experience*. Berlin - N.Y. Springer, 1961.

5) J. Eccles. *Facing Reality*. N.Y. - Berlin. Springer, 1970.

соскальзывают к средневековым представлениям о сущности психического⁶⁾.

Все это показывает на безнадежность идеалистических попыток раскрыть истоки сознания внутри "человеческого духа" и на то, что все подобные попытки полностью обособляют психологию от всех иных областей подлинного научного знания.

Не меньшую ограниченность таят в себе механистические попытки свести сознательные явления к элементарным физиологическим процессам, исходящие из позиций редукционизма (подробный анализ этих позиций будет дан в специальной статье).

Исходной для этих позиций являются попытки найти истоки сознания в элементарных процессах мозга, рассматривать сознание, как естественный процесс, возникающий как продукт деятельности мозга, взятого изолированно от окружающей действительности.

Согласно таким теориям, типичным для которых в свое время являлась "рефлексология", и в дальнейшем американский бихевиоризм, сознательная деятельность человека может быть без остатка сведена к цепи условных рефлексов и ее механизмы могут быть поняты как нервные процессы, возникающие в результате сочетания возбуждений при условии повторения и подкрепления соответствующих связей.

6) Критика только что описанных позиций дана нами в другом месте. См. А.Р.Дурия. *Мозг и сознательный опыт*
Вопросы психологии, 1967 № 3, ^{ст. 161-167} и Г.С.Гуртенидзе и А.Р.Дурия, *Вопросы философии*, 1972 № 6, ст. 150-154.
Философские приложения известного нейрофизиолога.

Именно из таких позиций исходит классический американский бихевиоризм, начиная с первых работ Дж. Уотсона⁷⁾ и кончая последними работами его продолжателя - Б. Скиннера⁸⁾.

Авторы, примыкающие к этому направлению считают возможным выразить все - в том числе и сложнейшие психические процессы в терминах тех механизмов, которыми обладает нервная система, и сознательная деятельность человека сразу же становится для них сложной системой сочетательных или условных рефлексов, а наиболее сложные формы поведения человека - проявлением либо врожденных инстинктов, либо продуктом "научения", которое в свою очередь сводится к механизмам стимулов и реакций, механизмам "совпадения" и "подкрепления". Именно в связи с такой попыткой найти корни сознательной деятельности в элементарных механизмах нервных процессов или в порождении "временных связей" - из большинства американских учебников, написанных с позиций бихевиоризма полностью исчезают главы о сознательном восприятии и произвольном внимании, об отвлеченном мышлении и высших чувствах, о целенаправленной сознательной деятельности, и весь текст руководств по психологии сводится к разделам, изучающим врожденные влечения ("drives") и прижизненно приобретенные навыки ("habits").

Нет сомнения в том, что человеческий мозг является органом, осуществляющим сознательную деятельность; нет сомнений и в том, что без законов высших нервных процессов не может реализоваться ни один акт поведения человека, в том числе и ни один акт сознательной деятельности.

7) J. B. Watson. Behaviorism Psychology as the behaviorist views it. Psychological Review. 1913, v. 20

8) B. F. Skinner. Science and Human Behavior. N.Y. Macmillan 1959

Однако, столь же ясно, что истоки сознания, как процесса отражения действительности, получения и переработки поступающей из объективного мира информации, создания сложнейших программ поведения и обеспечивающего контроль над ним, - всё это следует искать не внутри мозга, не в самых механизмах нервных процессов, а в реальном отношении человека к действительности, в его общественной жизни, создающей сложнейшие формы сознательной деятельности, которые осуществляются мозгом, но формируются в процессе сложнейшей - у человека общественной - жизни, которая и является подлинным источником сложнейших форм сознательной деятельности человека. ~~2~~

Законы высших нервных процессов сохраняются во всех видах сознательной деятельности человека; однако они не объясняют возникновения всего богатства и многообразия форм этой сознательной деятельности, но служат лишь аппаратом, реализующим, осуществляющим ее. Пытаться сводить все богатство сознательной деятельности человека к однообразным законам сочетания и подкрепления связей, иррадиации и концентрации нервных процессов, так же как и к монотонно повторяющимся законам "стимулов и реакций" и процессам "научения", как это делают представители американского бихевиоризма - значит терять все разнообразие форм активной сознательной жизни человека, замещая ее сухими и однообразными схемами, значит закрывать дорогу для подлинно научного изучения специфических для человека форм сознательной деятельности.

Храм Василия Блаженного не мог бы простоять ни одной минуты, если б он не был построен с учетом законов сопротивления материалов; однако пытаться сводить все своеобразие архитектуры этого храма к законам сопротивления материала (сохраняющим свое значе-

9) Дил./А.Н. Леонтьев. ~~Формирование сознания. Визуальное восприятие. Мозг и сознание.~~
Москва, 1971

ние для любых форм архитектуры) и не выходить за пределы механики, не искать истоков его архитектурного стиля в социальных и культурных традициях - значило бы прийти к тупику, к которому приводит всякое механистическое мышление.

Нельзя научно объяснить сознательной деятельности человека ее происхождения и способов ее существования, оставаясь внутри человеческого "духа" или внутри человеческого мозга.

Ни идеалистическая философия, ни механистическое естествознание не могут научно подойти к происхождению сознательной деятельности человека и ее высших форм: сложного, категориального восприятия, произвольного внимания, активного запоминания, отвлеченного мышления и сознательного произвольного действия.

Для того, чтобы научно объяснить эти явления нужно выйти за пределы субъективного переживания человека его организма; нужно выйти за пределы индивида и попытаться найти их происхождения в тех формах общественной жизни, в которых формируется активная деятельность человека; нужно внимательно рассмотреть те новые формы психической деятельности, которые возникают в процессе этой общественной жизни и подвергнуть внимательному анализу те "функциональные новообразования", которые создают общественные формы жизни в работе мозга.

Психология рождается на границах общественных и естественных наук, и только признание этого факта во всей его сложности и определяет как основной предмет этой науки, так и ее подлинное содержание.

Попытаемся ближе подойти к этой проблеме и показать, в чем состоит коренное отличие предлагаемого решения от той "теории двух факторов", о которой шла речь выше.

4.

Вопрос о социально-исторической природе сознательной деятельности человека, ее историческом происхождении и о ее сложной структуре был подробно освещен в наиболее важных для советской психологии исследованиях Л.С.Выготского⁹⁾ и А.Н.Леонтьева¹⁰⁾; поэтому мы не будем останавливаться на этом вопросе во всей его полноте и попытаемся осветить интересующие нас вопросы только на одном конкретном примере, который имеет, однако, принципиальное значение.

Этим примером будет проблема произвольного действия, его происхождения и строения.

Проблема произвольного действия в течение многих десятилетий (если не столетий) стояла в центре внимания философов и психологов.

Я хочу поднять руку - и я делаю это. Как это может быть? Является ли это действие свободным, не детерминированным никакой причиной, отличаясь этим от всех других явлений природы, или же оно так же детерминировано, и в этом случае - где же следует искать детерминирующую его причину?

9) Л.С.Выготский. Избранные психологические исследования. М. Изд-во Академии педагогических наук, 1956. Развитие высших психических функций. М. Изд-во Академии педагогических наук, 1959.

10) А.Н.Леонтьев. Проблема развития психики. М., Изд-во Академии педагогических наук, 1959. - Сознание. Деятельность. Личность. М. Госполитиздат. 1975.

Идеалистическая психология считала произвольное действие человека проявлением свободного духа и отказывалась детерминистически объяснять его, ссылаясь на некую духовную силу "fiat". Механистические психологи вообще отказывались признавать существование произвольного, сознательного действия, расценивая его как вынужденный условный рефлекс и не отличая его от всех других навыков.

Легко видеть, что в первом случае произвольное действие человека оставалось за пределами научного объяснения, во втором — все его отличительные особенности исчезали и оно практически переставало существовать.

Нетрудно прийти к выводу, что обе попытки подойти к описанию произвольного действия остаются равно неприемлемыми.

Произвольное действие реально существует. Но как же подойти к его научному объяснению?

Л.С.Выготский с полным основанием считал, что решение проблемы произвольного действия — ключевой проблемы психологии — может быть найдено при одном принципиальном условии: чтобы научно подойти к произвольному действию человека и его детерминистическому объяснению нужно отказаться от всяких попыток искать его источники внутри организма (его "духа" или мозга); для научного решения проблемы произвольного действия нужно выйти за пределы организма и искать его корни в отношении ребенка к взрослому, иначе говоря — в социальных формах деятельности ребенка.

Ребенок с самого начала находится в теснейшем общении с взрослыми; отделяясь от матери физически, а затем и биологически (первое происходит при рождении ребенка, второе в момент, когда мать отлучает его от груди), ребенок остается связанным с ма-

терью (как и с другими людьми) социально. Мать разговаривает с ним, обращается к нему с указаниями и требованиями. Мать называет предметы и этим выделяет их из всех остальных; мать предлагает ему дать ей тот или иной предмет - и ребенок дает его.

В обоих этих случаях действие ребенка начинается с указаний или приказов матери; оно лишь кончается изменением взгляда или движением руки ребенка. В этой системе действие разделено между двумя людьми: мать начинает действие - ребенок заканчивает его.

В этом строении действия и заложены источники произвольного акта. На первых этапах ребенок подчиняется приказу матери; на последующих этапах, когда ребенок сам начинает владеть речью - он начинает использовать эту собственную речь, как средство, детерминирующее его поведение: он сам начинает называть предметы, и его взгляд идет вслед за словом, выделяя названный предмет из окружающей среды. Он начинает воспроизводить речевые инструкции, которые давали ему взрослые и, давая самому себе речевые инструкции - подчиняется им, начинает выполнять их. Сначала, как это было показано Л.С.Выготским, а затем и другими советскими исследователями^{II)} эта речь ребенка носит развернутый, внешний характер; она идет вслед за внешним материальным действием, а потом начинает опережать его. Вскоре развернутая речь ребенка свертывается, превращается в внутреннюю речь, и эта внутренняя речь кратко начинает обозначать нужный предмет или

II) Л.С.Выготский, цит.соч. А.Н.Леонтьев, цит.соч.А.В.Запорожец Развитие произвольных движений ребенка. М. Изд-во Академии педагогических наук, 1960. П.Я.Гальперин. Развитие исследований по формированию умственных действий. "Психологическая наука в СССР", т.1. М. Изд-во Академии педагогических наук, 1959. Н.А.Бернштейн. Очерки физиологии движений и физиологии активности. М. Изд-во "Медицина", 1966 и др.

нужное действие. Во всех этих случаях ребенок, усвоивший речь от взрослого и сам начинающий владеть ею, включает ее как механизм, детерминирующий его собственное действие. Из акта социального подчинения речи взрослого возникает действие, подчиняющееся собственной речи - саморегулирующееся, произвольное действие - социальное по своему происхождению и опосредствованное ^{предметным миром} речью по своему строению.

Описанный только что путь подхода к происхождению и строению произвольного, сознательного действия человека может служить моделью нового подхода к анализу сложных форм сознательной деятельности человека, раскрывающий ранее не существовавшие перспективы научного объяснения тех явлений, которые раньше казались необъяснимыми.

Факт того, что произвольное действие человека существует, полностью сохраняется. Однако, объяснение как происхождения этой формы человеческой деятельности не дается ни путем обращения к некоей "духовной силе", ни путем сведения его к естественным условным рефлексам.

Нужный подход к объяснению произвольного действия требует выхода за пределы организма с теми естественными механизмами, которыми он обладает; произвольное действие возникает на стыке между естественными и общественными формами жизни, под влиянием общественной организации естественных процессов. Ребенок подчиняется поступающим извне сигналам, следуя тем законам образования временных связей, которые хорошо известны в физиологии; затем он начинает усваивать эти связи, рожденные в действенном и речевом общении и использует их для подчинения этим связям

своего собственного поведения. Нигде на протяжении этого пути процессы не выходят за пределы естественных законов образования временных связей; однако - подчиняясь этим - социально вызванным - временным связям, человек становится способным перейти к произвольно-управляемому поведению.

Детально обсуждая этот путь, Л.С.Выготский постоянно вспоминал Бэкона, приводя его два высказывания: "*Natura regendo vincitur*" ("природа побеждается подчинением ее законам"), констатирующего самый путь раскрытия, и "*Nec manus nuda, nisi intellectus sibi permissus multum valent; instrumentis et auxiliis res perficitur*" ("Ни голая рука, ни мысль сама по себе, не стоят многого: дело свершается с помощью орудий и знаков"), раскрывающего суть описанного процесса.

Социальное не просто "взаимодействует" с биологическим: оно образует новые функциональные системы, использует биологические механизмы, обеспечивая их новые формы работы, и именно в формировании таких "функциональных новообразований" и лежит факт появления высших форм сознательной деятельности, которые возникают на границах естественного и общественного, и которые дают основание для выделения новой науки - психологии, внимательно изучающей те новые законы, которые рождаются при этом взаимодействии.

Путь развития произвольного действия долг и труден; он исполнен многими драматическими событиями, на которых мы останавливались в другом месте¹²⁾.

12) А.Р.Лурия. Сознательное действие, его происхождение и мозговая организация. Вопросы психологии, 1969. № 5. стр. 13-29.

Однако, именно такое социальное происхождение и такое сложное опосредствованное строение позволяют нам подойти к научному разрешению вопроса о внутренней природе и детерминистическом объяснении произвольного действия человека и ~~в~~ высших форм его сознательной деятельности.

5.

Мы остановились в самых общих чертах на социальном происхождении и опосредствованном строении сложных форм ~~когнитивной~~ сознательной деятельности, который был выработан в советской психологии, и теперь можем снова вернуться к основной теме настоящей статьи - к вопросу о месте психологии среди естественных и общественных наук.

Легко понять, что психология, изучающая столь сложные явления, не может быть отнесена к числу чисто биологических наук. Те сложнейшие формы сознательной деятельности человека, о которых мы говорили выше, конечно, осуществляются мозгом и опираются на законы высшей нервной деятельности. Однако, они порождаются сложнейшими взаимоотношениями человека с общественной средой и формируются в условиях общественной жизни, которая создает новые функциональные системы, осуществляемые мозгом. Общественная жизнь завязывает новые узлы в естественных процессах, в соответствии с которыми работает мозг, и поэтому попытки вывести законы этой сознательной деятельности из самого мозга, взятого вне социальной среды, обречены на неудачу.

Легко понять также, что психология, изучающая те формы сознательной деятельности, которые осуществляются мозгом,

не может быть отнесена к чисто-общественным наукам. Условия общественной жизни приводят к таким формам психической деятельности, которые опираются на созревающие у ребенка высшие нервные процессы и осуществляются такой сложнейшей природной системой, какой является мозг. Отрывать психологию от законов работы мозга значило бы делать не меньшую ошибку, чем та, которая будет допущена, если трактовать ее как чисто-биологическую науку.

Не менее приемлемой оказывается и третья теория, которая получила в науке название "теории двух факторов". Эта теория принимает в расчет как биологический, так и социальный факторы, воздействующие на психические процессы. Однако, она рассматривает этот процесс взаимодействия "двух факторов" поверхностно, механистически, считая, что одни психические процессы больше зависят от биологических, а другие больше от социальных факторов, и полагают, что в процессе развития происходит лишь оттеснение биологических факторов социальными. Естественно, что такая трактовка не раскрывает сущности высших, сознательных форм человеческой деятельности, а такой подход к развитию, как к "уменьшению и увеличению", с полным основанием отвергнутый еще Лениным¹³⁾, ни в какой мере не отвечает современным научным представлениям о сложности процесса развития, в результате которого возникают качественно новые образования.

Научная психология, изучающая сложнейшие формы сознательной деятельности, общественной по происхождению, опосредствованной по строению и осуществляемой мозгом, этим высшим продуктом

13) В.И. Ленин. Философские тетради. т.38 (IV изд.), стр.358

естественной истории, рождается на границе естественных и общественных наук. Однако правильное понимание этого положения должно ~~лишь~~ учитывать тот факт, что общественные формы жизни заставляют мозг работать по-новому, приводят к возникновению качественно новых функциональных систем, и именно эти качественно новые формы жизни и являются предметом психологической науки.

Все, что мы сказали выше показывает с полной очевидностью, что области, пограничные между двумя сферами знания, могут возникать не только в пределах только естественных или только общественных наук; такие же промежуточные области знания могут возникать и между двумя столь различными сферами как естественные и общественные науки, и пример^{ом} такого сложного взаимодействия общественных и естественных наук и может служить психология.
